

Жизненный путь Митрополита-Экзарха Владиміра

Митрополитъ-Экзархъ Владиміръ, въ міру Вячеславъ Михайловичъ Тихоницкій, родился 22-III-1873 г. въ семьѣ священника уѣзднаго города Орлова, Вятской губерніи. Старый священнической родъ ихъ принадлежалъ къ тому народному, мѣстному слою, который не имѣлъ устойчивыхъ фамиліныхъ прозваній и получалъ ихъ только въ своей духовной школѣ въ латинизированой часто формѣ: Сперанскій, Мультиановскій, Обтеперанскій, Мансветовъ, Пурикордовъ, Кляритскій и т. п. Крестили этими фамиліями обычно при самомъ зачисленіи въ школу 10-лѣтнихъ мальчиковъ начальники духовныхъ («уѣздныхъ») училищъ, называвшіеся громко «ректорами». Такъ вотъ и въ данномъ случаѣ ректоръ уѣзднаго училища г. Вятки привезеннаго въ 20-ыхъ годахъ XIX вѣка въ сдачу на бурсу дѣда владыки Владиміра спросилъ: «Какъ твоя фамилія?» — «Федоровъ». Спросилъ слѣдующаго, и тотъ случайно оказался тоже Федоровъ. Но когда среди поступающихъ оказался и третій Федоровъ, ректоръ, по обычаю, далъ имъ новыя фамиліи. Ректорское творчество не было достаточно остроумнымъ и граціознымъ. Онъ сказалъ дѣду: «Ты поклонился мнѣ тихо, низко, — поэтому будь Тихонизкимъ». Эстетическое чутье переработало затѣмъ фамилію въ Тихоницкій. Они были коренные мѣстные люди, сѣверяне, изъ той расовой амальгамы, которую создали великороссы-обрусители, растворивъ въ себѣ финскую кровь зырянъ, вотяковъ, вогуловъ, самодовъ, лопарей... Они дали намъ длинную вереницу тихихъ, кроткихъ, долготерпѣливыхъ и святыхъ строителей земли русской на сѣверо-востокѣ: Св. Стефана Пермскаго, Феодосія Тотемскаго, Никодима Кожезерскаго, Трифона Печенгскаго и многихъ другихъ.

Слабенькій, ежегодно попадавшій въ больницу отъ простуды, Вячеславъ Тихоницкій, однако, успѣшно, не застрявъ ни въ одномъ классѣ, прошелъ всю 15-лѣтнюю лѣстницу низшей, средней и высшей духовной школы, начиная съ приготовительнаго класса Вятской Духовнаго училища (1883 — 1888 г.), подолжая Вятской же Духовной семинаріей (1888 — 1894 г.) и завершая Казанской Духовной академіей (1894 — 1898 г.). Изъ семинаріи въ академію на конкурсный экзаменъ В. Тихоницкій былъ посланъ «на казенный счетъ», какъ одинъ изъ первенцевъ, за успѣхъ которыхъ педагогическій совѣтъ семинаріи ручался, рискуя, въ противномъ случаѣ, расплатой изъ своего кармана. Вячеславъ Тихоницкій былъ принятъ на казенную стипендію и

сталъ счастливымъ студентомъ въ блаженныя времена казавшагося нескончаемымъ ректорства благодушнаго «папаши» — протоіерея А. П. Владимірскаго и затѣмъ ослѣпительнаго ректорства арх. Антонія Храповицкаго. Антоній былъ несравненнымъ церковнымъ педагогомъ — чаровникомъ, увлекшимъ своими талантами рядъ студенческихъ поколѣній, поочередно — петербургской, московской и казанской духовныхъ академій, побѣдившимъ господство въ нихъ прѣснаго свѣтскаго вольномыслія и вернувшимъ имъ энтузіазмъ пастырства и церковности. Вспыхнула небывалая тяга къ монашеской карьерѣ, предъ тѣмъ почти угасшая. Великій «авва» (такъ обычно величала многолюдная школа монаховъ-постриженниковъ своего вождя — Антонія) не могъ не обратить своего любовнаго вниманія на кроткаго и благочестиваго студента Тихоницкаго. Онъ задалъ ему подходящую тему для кандидатскаго сочиненія: «Три типа древне-русскаго монашества — свв. Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій и Максимъ Грекъ» и въ началѣ IV курса постригъ его самого съ именемъ Владиміра, 27-IX 1897 г. 11-X 1897 г. монахъ Владиміръ сталъ іеродіакономъ, а 22-II 1898 г. (въ недѣлю православія) — іеромонахомъ. Хиротонію совершалъ въ кафедральномъ соборѣ архіепископъ Арсеній (Брянцевъ), въ сослуженіи и ректора — еп. Антонія и кафедр. прот., проф. Евв. Малева.

Казанская духовная академія отличалась отъ другихъ духовныхъ академій своимъ специальнымъ Миссіонерскимъ отдѣленіемъ, какъ бы факультетомъ по изученію Ислама, Буддизма съ языками арабскимъ, татарскимъ, монгольскимъ и др. Идея внѣшней инородческой миссіи тамъ была живой. Молодой іеромонахъ Владиміръ, хотя и кончилъ академію въ 1898 г. по такъ наз. Словесному отдѣленію, но не захотѣлъ пойти по дорогѣ большинства, т. е. по учебной службѣ. Онъ избралъ себѣ, съ благословенія «аввы», смиренную миссіонерскую работу среди инородцевъ Сибири. Его назначили къ Киргизскую миссію, въ Омскую епархію, къ епископу Сергію (Петрову). Центръ миссіи, состоявшей изъ 5-ти становъ въ полосѣ, приграничной съ Восточнымъ Туркестаномъ Китая, былъ въ Семипалатинскѣ, въ 900 верстахъ отъ епархіальнаго центра — Омска. Много тысячевѣрныхъ пространствъ исколесилъ молодой миссіонеръ безъ желѣзныхъ дорогъ, пользуясь примитивной, но хорошо организованной, конной тягой, среди мирныхъ номадовъ-киргизовъ. Еще изъ Казани іером. Владиміръ привезъ съ собой священника-татарина, прошедшаго специальную миссіонерскую школу, способнаго быть переводчикомъ и для киргизовъ. У азиатовъ есть своеобразный воляпюкъ изъ элементовъ тюркскихъ и монгольскихъ, на которомъ они всѣ быстро другъ съ другомъ сговариваются. Киргизы въ ту пору были народомъ добрыхъ патриархальныхъ нравовъ, любознательнымъ и способнымъ къ наукѣ. Миссіонерская работа съ ними спорилась. Даже съ мусульманскими муллами ладилось сотрудничество. Кроткій нравъ нашего миссіонера (секретъ рускаго колонизаціоннаго таланта) придавалъ дѣлу миссіи тихій, органическій, евангельскій характеръ.

Въ 1901 г., 6 мая, іером. Владиміръ возведенъ былъ еп. Сергіемъ въ санъ архимандрита въ Семипалатинскомъ Знаменскомъ Соборѣ. Въ эту ночь случилось тамъ землетрясеніе. То было знаменіемъ тихому миссіонеру, предвѣщавшимъ ему, вопреки его исихастическому призванію, долгой жизненный путь на фонѣ великихъ, и російскихъ и міровыхъ, потрясеній. Еще пять полныхъ лѣтъ пробылъ въ званіи начальника миссіи арх. Владиміръ. Даже здоровье его на цѣлебномъ киргизскомъ кумысѣ значительно окрѣпло.

Между тѣмъ Россія переживала конвульсии революціи и контрреволюціи. Въ 1907 г. уже созвана была II-я Госуд. Дума съ максимальной мобилизаціей духовенства. Тогда и митр. Евлогіи изъ своей Холмской епархіи сталъ пріѣзжать на долгіе сроки въ Петербургъ для занятія своего депутатскаго кресла. Какъ и вся Россія, нашъ юго-западный Край былъ въ особомъ напряженіи. Наступившая свобода вѣроисповѣданій, уже унесшая заразу въ латинство и польщизну свыше 200.000 бывшихъ русскихъ униатовъ, такъ наз. упорствующихъ, подняла надежды польско-католической пропаганды. Свобода печати и политическихъ партій тому способствовала. Іерархи - вожди съ тревогой оглядывались кругомъ, ища себѣ надежныхъ сотрудниковъ, среди своихъ иноковъ - постриженниковъ въ особенности. И вотъ отъ «великаго аввы» изъ Петербурга летитъ депеша на восточную окраину земли русской. Изъ дремлющей Киргизіи въ бурлящую столицу вызывается архимандритъ Владиміръ для службы русскому церковному дѣлу на противоположной, отравленной многостолѣтней борьбой, западной окраинѣ, на постъ настоятеля Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря и епископа Бѣлостокскаго, викарія архіепископа Гродненскаго, въ ту пору — Михаила (Ермакова). Наивный архимандритъ-миссіонеръ откликается на телеграмму телеграммой же: «Зачѣмъ? мнѣ и здѣсь очень хорошо». Въ отвѣтъ строгая депеша аввы: «Безъ возраженій. Ты забылъ, что ты монахъ?» Прощай тихая Киргизія! Провинциальный, робкій архимандритъ — въ великолѣпной, парадной, холодной Петербургской Александро-Невской Лаврѣ. Бюрократически беззастыный казначей отводитъ невѣдомому провинціалу какую то незначительную комнатку и, какъ въ гостинницѣ, покидаетъ его на круглое одиночество. Утѣшителемъ покинутого чужака явился въ ту пору жившій въ Лаврѣ викарій Нарвскій Антонинъ (Грановскій), будущій грѣховодникъ обновленческой авантюры. Огромный, широкоплечій, сутулый, темноволосый съ крупными чертами широкаго лица, этотъ пугающій своимъ угрюмымъ видомъ монахъ въ сущности былъ благодушнымъ общительнымъ собесѣдникомъ, любознательнымъ, дѣтски мечтательнымъ, съ ископаемой средневѣковой начитанностью и умонастроеніемъ. За это такъ любилъ его и прощалъ ему многія его грѣхи и чудачества чтившій науку и цѣнившій интеллигентность митрополитъ СПб Антоній (Вадковскій). Еп. Антонинъ принялъ живое, истинно товарищеское участіе въ судьбѣ новоприбывшаго кандидата на архіерейство въ эти первые дни его одиночества въ столицѣ. Ласково встрѣтившій архимандрита митр. Антоній спокойно сдалъ его на попеченіе еп. Антонина, и тотъ сталъ его усерднымъ менторомъ, подготовившимъ

его ко всѣмъ церемоніямъ чина возведенія въ санъ епископа. Митр. Антоній вызвалъ изъ Гродны архіеп. Михаила, и тотъ съ радостью прилетѣлъ въ Петербургъ на хиротонію своего новаго помощника, горячо рекомендованнаго ему воспитавшимъ его «аввой» — Антоніемъ, въ то время уже архіепископомъ Волынскимъ. Архіепископы Антоній и Михаилъ были дружны между собой и по СПб. Духовной Академіи, (Михаилъ былъ младше Антонія), въ которой профессорствовали и инспекторствовали, и по своей сословной близости. Оба были генеральскими сынками, чувствительными къ стихіи государственности. Молодой кандидатъ на епископство былъ имъ цѣненъ, какъ чистый великорусскій церковникъ, для дѣла обрусѣнія покарѣннаго польшизной края.

1 іюня 1907 г. Архиман. Владиміръ былъ нареченъ во епископа Бѣлостокскаго, какъ полагалось, въ храмъ Св. Синода, а 3 іюня хиротонисанъ въ лаврскомъ Александро-Невскомъ соборѣ. На Бѣлостокскаго викарія сразу выпала большая административная работа и даже не по одной, а по двумъ епархіямъ: своего Гродненскаго архіеп. Михаила онъ замѣщаль, когда тотъ засѣдалъ въ Св. Синодѣ по вызову, а сосѣдняго Холмскаго Евлогія, какъ члена Госуд. Думы. Административная дѣятельность епископовъ была подъ мощнымъ покровительствомъ государственныхъ властей. Работы было много, но она осуществлялась сравнительно гладко, безъ болѣзненныхъ трений. Даже въ годы первой міровой войны сначала ничто не предвѣщало грядущихъ церковныхъ «землетрясеній». Но роковые сроки настали. Сначала въ порядкѣ мѣстной эвакуаціи вмѣстѣ съ консисторіей еп. Владиміру пришлось переѣхать изъ Гродны въ Слонимъ, а затѣмъ, распоряженіемъ главнокомандующаго, эвакуироваться въ концѣ 1916 г. съ ракой мощей Муч. Гавріила, др. святынями и со всѣмъ управленіемъ въ Москву. Туда же отходила и часть мѣстнаго населенія. Въ Москвѣ еп. Владиміръ нашель гостепріимство у еп. Серпуховскаго Арсенія въ Чудовомъ монастырѣ. Тутъ пришлось пережить въ 1917 г. февральскую революцію, затѣмъ выборы на Соборъ, куда викаріи Владиміръ былъ избранъ представителемъ отъ духовенства Гродненской епархіи и на Соборѣ работалъ въ Комиссіи подъ предсѣдательствомъ священномученика Митрофана архіеп. Астраханскаго.

Между тѣмъ событія небывалыхъ размѣровъ неслись надъ головой съ быстротой вихря. Послѣ иллюзорно-бозкровной пришла и настоящая кровавая октябрьская революція. Позорный Брестъ-Литовскій миръ. Оккупация нѣмцами всего Запада и Юга Россіи. Параллельно въ церкви — возстановленіе патріаршества, соборное избраніе первымъ патріархомъ (12-мъ по счету въ ряду русскихъ патріарховъ) архіепископа Тихона, тоже бѣженца изъ Вильны, разрывъ власти съ церковью, начало гоненій, закрытіе собора. Предъ бѣженцами въ московскіе предѣлы изъ оккупированныхъ нѣмцами областей всталъ вопросъ: оставаться ли и голодать подъ большевизскимъ терроромъ, или же вернуться «домой», хотя и подъ нѣмцами, но безъ террора и голода. Еп. Владиміръ не только раздѣлялъ эту тягу «домой» опекаемыхъ имъ въ Москвѣ бѣженцевъ изъ Литвы и Холмщины, но прямо изнемогалъ

отъ страданій дѣтей-холмичанъ, оставшихся безъ куска хлѣба. Тутъ какъ чудо явилась ему на помощь вел. кн. Елизавета Ѳеодоровна и временно спасала дѣтей, пока ее самое не увезли большевики въ Алапавскъ и не убили тамъ. Еще до большевиковъ, живя въ Чудовомъ монастырѣ, Владыка Владиміръ былъ свидѣтелемъ тайнаго богослужебно-аскетическаго подвига вел. княгини. Патр. Тихонъ обрадовался, узнавъ отъ еп. Владиміра о его рѣшимости вернуться съ очереднымъ бѣженскимъ поѣздомъ въ Гродну — Бѣлостокъ — Супрасль, и снабдилъ его, что имѣлъ в карманѣ, десятью «красенькими», т. е. 100 рублями.

Приѣхавъ въ Гродну въ сентябрѣ 1918 г., еписк. Владиміръ нашелъ архіерейскій домъ разореннымъ. Пришлось и здѣсь на мѣстѣ влачить бивуачную бѣженскую жизнь. Но не въ этихъ внѣшнихъ неудобствахъ и лишеніяхъ была горечь положенія русскаго епископа, а въ расплатѣ за прежнее привилегированное покровительство своей русской власти. Сейчасъ все было чужое и враждебное, руссофобская месть жалила со всѣхъ сторонъ. «Дома» жилось какъ въ осинои гнѣздѣ. Феерически смѣнялись режимы. Вернулись при нѣмцахъ. А черезъ два мѣсяца, 11. XI. 1918, сокрушена была Германія. Мѣсто оккупационной арміи явочнымъ порядкомъ заняла Бѣлорусско-Литовская Управа. Ее смѣнили поляки, поляковъ — большевики (съ 5.VI по 25.IX.1919 г.), затѣмъ снова поляки.

Все это было равносильно бытовой анархіи со всѣми ея муками. Наконецъ, къ 1920 г. легализована была Версальская Польша съ Пилсудскимъ, какъ Президентомъ. Но анархія продолжалась, мѣстныя польскія власти, особенно жандармы, безцеремонно грабили русское и православное населеніе. Еп. Владиміру пришлось быть открытымъ печаловникомъ за обижаемый народъ. Онъ слалъ слезницы во всѣ инстанции. Усерднымъ помощникомъ еп. Владиміра въ ходатайствахъ за православный народъ былъ мѣстный русскій патриотъ-энтузіастъ, іеромонахъ Смарагдъ Латышенковъ, кандидатъ богословія СПБ Дух. Академіи, хорошо владѣвшій польскимъ языкомъ. Эти ходатайства имѣли своимъ послѣдствіемъ вызовъ непокойныхъ русскихъ заступниковъ въ Варшаву въ президентскій дворецъ. Къ нимъ вышелъ небрежно, въ пиджачкѣ, покуривая, Пилсудскій и спросилъ по-русски: что имъ нужно? Въ отвѣтъ на жалобы о грабежѣ жандармовъ Пилсудскій философски замѣтилъ: «Гдѣ же вы прикажете мнѣ найти честныхъ чиновниковъ? Государство наше только что возрождается изъ развалинъ войны и революціи; со временемъ все образуется»... Свиданіе ничего не измѣнило. Но сама Польша, дѣйствительно, спѣшно вытѣсняла остатки русскихъ національныхъ позицій, въ частности поставила задачей оторвать мѣстную православную церковь отъ зависимости отъ Московскаго Патріархата. Возникалъ старый призракъ Уніи. Въ этой атмосферѣ возвращается въ Польшу черезъ Римъ (?..) архіеп. Георгій (Ярошевскій), бывш. ректоръ СПБ Дух. Академіи, и соглашается на предложеніе польскаго правительства — объявить *de facto* автокефалію православной церкви въ Польшѣ съ послѣдующимъ ходатайствомъ предъ вселенскимъ патріархомъ признать ее и *de jure*. Начинается серія угодовскихъ, антирусскихъ дѣйствій архіеп. Георгія, какъ вѣр-

наго агента Польши. Русскій епископъ, оказавшійся на территоріи Польши, раздѣляется. Большинство не принимаетъ самочинной автокефалии и терпитъ за это преслѣдованія. Архіепископъ Виленскій Елевверій (Богоявленскій) изгоняется изъ Польши и находитъ пріютъ въ Ковнѣ въ новообразуемой Литвѣ. Еп. Пантелеймонъ (Роговскій) интернируется безвыходно въ монастырѣ. Только недавно, въ 1919 г. рукоположенный въ Вильнѣ архіеп. Елевверіемъ совмѣстно съ еп. Владиміромъ, второй викарій Гродненскій Сергій (Королевъ) еп. Бѣльскій былъ высланъ въ сосѣднюю новообразовавшуюся Чехословакію. Еп. Владиміръ объявляется «вреднымъ дѣятелемъ и для православной церкви и для польскаго государства» и держится подъ арестомъ въ Супрасльскомъ монастырѣ. Наоборотъ, еп. Кременецкій Діонисій (Валединскій), еще въ 1913 г. хиротонисанный въ Почаевской Лаврѣ патріархомъ Антиохійскимъ Григоріемъ (посѣтившимъ Россію по случаю 300-лѣтія династїи Романовыхъ), совмѣстно съ архіеп. Волынскимъ Антоніемъ и еп. Владиміромъ, всецѣло примкнулъ къ угодовской политикѣ Георгія. Въ это время патріархъ Тихонъ шлетъ еп. Владиміру титулъ архіепископа въ воздаяніе за его твердое стояніе на почвѣ канонической законности. Но тѣмъ неугодиѣ, неприемлемѣ для Польскаго правительства становится его скромная, но неподкупная фигура.

Неустовый архимандритъ Смарагдъ (больной эпилептикъ) являлся не разъ, какъ пророкъ Илія къ Ахаву, къ арх. Георгію съ бурными объясненіями въ неканоничности и измѣнахъ и, наконецъ, потерялъ равновѣсіе. Обзавелся револьверомъ и, какъ потомъ открылось, тайно учился въ лѣсу стрѣлять изъ него. Онъ убилъ арх. Георгія наповаль, но этимъ только облегчилъ дѣло назначенному польскимъ правительствомъ, вмѣсто убитаго, арх. Діонисію — провести ультимативно автокефалию, признанную патріархомъ Вселенскимъ. Архіеп. Владиміру, какъ покровителю Смарагда, пришлось, конечно, вынести, какъ бы нѣкому моральному сообщнику столь необычнаго въ исторіи церкви дѣла, всѣ мытарства подслѣдственнаго состоянія. Его арестъ въ монастырѣ принялъ грубья, издѣвательскія формы. Каждый день, въ 5 час. утра (!), архіепископъ долженъ былъ являться самолично къ дежурному полицейскому стражнику, чтобы установить фактъ наличности арестанта. Къ началу судового ренія архіеп. Владиміръ, 8 января 1923 года, былъ подъ охраной жандармовъ вывезенъ въ Варшаву и помѣщенъ подъ арестъ въ Саксонской гостиницѣ. Первая стадія чрезвычайнаго трибунала грозила Смарагду разстрѣломъ, а архіепископу, можетъ быть, тюрьмой. Но трибуналь внялъ свидѣтельству владыки Владиміра о томъ, что онъ лично наблюдалъ припадки падучей у подсудимаго, и дѣло было направлено въ порядкѣ регулярнаго дѣлопроизводства. Архіеп. Владиміра изъ Варшавы черезъ Дубно увезли подъ арестъ въ Дерманьскій монастырь и оттуда вновь привозили свидѣтелемъ на судъ. Смарагдъ приговоренъ былъ къ тюрьмѣ, замѣненной потомъ высылкой. Архіеп. Владиміръ остался интернированнымъ въ Дермани.

Какъ противника незаконно проведенной автокефалии, правительство рѣшило его выбросить за границы Польши. И это было самымъ

милостивымъ разрѣшеніемъ вопроса, ибо о судьбѣ влад. Владиміра имѣлъ попеченіе единственный русскій депутатъ сената, Богдановичъ (канд. богословія кievск. Духовной академіи). Для полученія визы въ Чехословакію чиновники сочинили фикцію, будто Владиміръ долженъ спѣшно выѣхать въ Паргу для полученія наслѣдства отъ умершей тамъ его бабушки. Но самого владыку Владиміра вывезли изъ Дермани въ Варшаву обманно, безъ багажа, съ одной камилавочкой въ рукѣ, будто бы на епископское совѣщаніе по церковному вопросу. Это было въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, 1-14-X 1924 г. Изъ Варшавы повезли архіепископа Владиміра «куда-то» на западъ. Сопровождавшій его гражданскій чиновникъ былъ любезенъ и «искренно» озабоченъ «благополучіемъ» поѣздки владыки, ибо явно волновался: удасться подкупъ пограничныхъ загородокъ и переброска нелегальнаго иммигранта? Послѣ томительной канители на границѣ и водворенія невольнаго вторженца въ чехословацкій поѣздъ, чиновникъ всунулъ архіеп. Владиміру какую-то малость карманныхъ денегъ на дневной проѣздъ до Праги и исчезъ. Бывшій арестантъ сталъ свободнымъ на новой чужбинѣ, безъ языка, безъ багажа, безъ будущаго, безъ ѣды и питья уже цѣлый день. Одна впереди была свѣтлая точка. Это — надежда какъ-то найти въ Прагѣ сотоварища по исповѣдничеству и изгнаничеству — владыку Сергія, бывш. Бѣльскаго.

Къ полночи со 2(15) на 3(16) октября 1924 г. поѣздъ дотащился до Праги, и безпріютный бѣженецъ, по патріархальному русскому обычаю, прикурнулъ на вокзальной скамеечкѣ, думая скоротать тутъ ночь до разсвѣта. Но черезъ нѣсколько минутъ былъ найденъ, къ великому изумленію сторожей, чистившихъ и запиравшихъ вокзаль, и изгнанъ вонъ на стогны града. Пустая площадь: ни проѣзжихъ, ни прохожихъ, ночное молчаніе. Чтобы не исчезнуть во мракѣ, голодный и переутомленный странникъ потянулся къ свѣту фонаря среди пустыни. Всталъ, прислонился къ столбу и молился Святителю Николаю Чудотворцу. И вотъ идетъ какой-то человѣчекъ прямо къ владыкѣ и на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ удивленно спрашиваетъ: «Вы нездоровы, батюшка? Почему вы здѣсь?». То былъ ангель-хранитель. Молодой русскій эмигрантъ во второмъ часу ночи бѣжалъ домой со своей театральной работы. Адреса архіеп. Сергія онъ не зналъ, но всѣ мѣстные ходы ему были извѣстны. Онъ отыскалъ дежурнаго «стража безопасности», объяснились, сговорились, дошли, проникли въ два часа ночи (!!) въ квартиру архіеп. Сергія. Изумленіе было безпредѣльное...

Отсель *incipit vita nova*..., эмигрантскій періодъ въ жизни владыки Владиміра. Вскорѣ черезъ Прагу возвращался съ Карловацкаго собора митрополитъ Евлогій. Три друга-епископа встрѣтились. Всѣ три были великоруссы, вмѣстѣ дружно работавшіе среди національно-подавленнаго народа юго-западной Россіи и всѣ полюбившіе этотъ народъ за его патріархальное благочестіе. Всѣ трое прошли черезъ арестантскія узы и всѣ снова собрались на волѣ въ нѣкое епископское братство. Митрополитъ Евлогій исходатайствовалъ архіеп. Владиміру визу во Францію и опредѣлилъ ему мѣстопребываніе въ Ниццѣ. Владыка Влади-

міръ прибыль въ Парижъ 4(17)-І 1925 г., наканунѣ крещенскаго сочельника. Отслуживъ 5 и 6 января въ Александро-Невскомъ соборѣ крещенскія службы, архіеп. Владиміръ 7-(20)-І посѣщилъ въ Ниццу, гдѣ его встрѣтилъ бывший тамъ въ ту пору самъ митрополитъ Евлогія. Началась скромно-бѣженская, тихая, молитвенная жизнь архіеп. Владимира въ окруженіи любящей и чтущей его за эту молитвенность паствы. Казалось, внѣ историческихъ бурь. Но это только казалось. Таково наше время, что отъ «исторіи» никуда не уйдешь, и «исторія» только подстерегала владыку-отшельника.

Произошло отдѣленіе митр. Евлогія отъ Карловацкаго Синода. При всемъ пѣтетѣ всѣхъ трехъ владыкъ, Евлогія, Владимира и Сергія, къ «великому аввѣ» — Антонію, они оперлись дружно на законную базу твердыхъ полномочій, данныхъ именно митр. Евлогію и Петроградскимъ митр. Веніаминомъ и патр. Тихономъ, оставшись до времени въ вѣдѣніи плѣненной московской патріархіи. Скоро этой временной законности пришелъ неизбѣжный конецъ. Его долженъ былъ произвести самъ своими руками Замѣститель Мѣстоблюстителя, приснопамятный митрополитъ — патріархъ Сергій, добровольно сдавшийся въ плѣнъ чуждой христіанской душѣ народа, насильственно навязанной ему, а потому и антирусской по существу, власти. Сначала заблудившійся вождь церкви вынужденъ былъ потребовать недостойной его свѣтлага ума, абсурдной «лояльности» къ совѣтской власти отъ русской эмиграции, среди которой не было и не могло быть ни одного совѣтскаго подданнаго, а затѣмъ, въ 1931 г., и прямо запретилъ митр. Евлогія за участіе въ христіанскомъ протестѣ противъ гоненій на церковь. Тутъ-то митр. Сергій подвергъ новому испытанію архіерейскую совѣсть владыки Владимира. Онъ назначилъ архіеп. Ницскаго Владимира въ 1931 г., вмѣсто запрещеннаго митр. Евлогія, управляющимъ Западно-Европейскимъ Митрополичьимъ Округомъ. Но архіепископъ Владиміръ, чуждый честолюбія и авантюризма, этого, для другихъ «лестнаго», назначенія не принялъ и остался внѣ политическаго служенія Совѣтской державѣ, въ составѣ вновь созданнаго митр. Евлогіемъ въ началѣ 1932 г. русскаго эмигрантскаго экзархата Вселенскаго патріарха, въ положеніи чисто-церковномъ, внѣ-государственномъ.

Опять наступили годы принципіальнаго каноническаго покоя. Передышка длилась цѣлыхъ 15 лѣтъ. Въ самомъ началѣ этого благословеннаго и цвѣтущаго періода нашей эмигрантской церковной жизни, вся епархія и особенно любящая лично арх. Владимира паства Ниццы и юга Франціи идилично, широко и радостно отпраздновала 25-лѣтній юбилей владыки въ святительскомъ санѣ (3-VI-1932 г.). А митр. Евлогія исходатайствовалъ ему отъ патріарха Фотія II крестъ для ношенія на клобукѣ, т. е. награду чисто-русскую, у грековъ не принятую. Но годы мира миновали. Господь не судилъ покоя ни намъ, ни владыкѣ Владимиру. Снова поползли, сгустились и разразились надъ нашими головами грозы апокаліптического времени. Съ началомъ первой міровой войны народы христіанской цивилизаціи, несомнѣнно, выпали изъ упрощенной позитивной фазы своей исторіи и вступили въ полосу конвульсій и револю-

цій не только внѣшнихъ и матеріальныхъ, но и духовныхъ и мистическихъ. «Сатана съѣтъ ихъ какъ пшеницу», а они все, по своимъ привычнымъ и безнадежно устарѣвшимъ трафаретамъ, тшятся устроить «прочный и долгій миръ» въ смѣломъ и, какъ имъ кажется, «реалистическомъ» компромиссѣ и сотрудничествѣ со слугами Антихриста. Это мировое умопомраченіе растлило и русскую церковную среду. Оно раздавило и соблазнило и нашего покойнаго владыку Евлогія. Онъ сталъ жертвой этихъ псевдо-трезвыхъ, псевдо-реалистическихъ иллюзій о будто-бы наступившемъ возрожденіи подлинной непорочной Русской Церкви и съ нею — Святой Руси. Предъ своей кончиной митрополитъ Евлогій поставилъ свой экзархатъ на острие меча и неизбежнаго раскола, который, все равно, произошелъ бы во всѣхъ случаяхъ. Митрополитъ Евлогій безсоборно, вопреки голосу совѣсти подавляющаго большинства своего духовенства и паствы, рѣшилъ подчинить эмигрантскую церковь официальному церковному правительству Москвы. Все дѣлалось, по возможности, явочнымъ порядкомъ, поставленіемъ всѣхъ предъ совершившимся фактомъ, съ обходомъ формально-необходимыхъ сношеній съ канонически-законной инстанціей КПл. патріархіи. Дѣло зашло такъ далеко, что никакое отступленіе казалось уже невозможнымъ. Умирая, митрополитъ Евлогій возложилъ на плечи и совѣсть своихъ собратій-епископовъ и въ особенности на назначеннаго имъ въ свои преемники архіепископа Владимира тяжесть прямо нечеловѣческую: дать всему шумному нагроможденію демонстративныхъ, можно сказать, демагогическихъ церемоній обратный ходъ и подвергнуть ихъ ревизіи въ горнилѣ соборности. Обычнымъ такъ называемымъ дѣльцамъ-реалистамъ такія дѣла не подь силу. Для этого нужна жгучая чувствительность совѣсти, острая принципиальность идеалиста, т. е. отсутствіе корыстныхъ, эгоистическихъ мотивовъ, по меньшей мѣрѣ. А паче всего просвѣщающая нашъ духъ благодать Св. Духа, сходящая въ сердце, очищаемое подвигомъ молитвы, поста и трезвѣнія, когда понятнымъ становится апостольское: «вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ Христѣ» (Фил., 4, 13). И Господь по заслугамъ укрѣпилъ нашего Давида на встрѣчу со тшеславнымъ Голиаѳомъ.

То было 1(14) августа 1946 г. День незабываемый, день исторической. Не буря въ нашемъ эмигрантскомъ стаканѣ воды, а одинъ изъ поворотовъ стрѣлки въ духовной исторіи міра. Закаленному исповѣднику канонической правды и чистой совѣсти предъявленъ былъ къ принятію и исполненію невѣроятно, кричаще беззаконный указъ. Разумѣемъ указъ Московской Патріархіи, предъявленный митр. Григоріемъ и арх. Фотіемъ владыкѣ Владиміру, которымъ упраздненъ, по произволу одной московской стороны, учрежденный въ 1931 году КПл. патріархомъ русской автономный экзархатъ, и мы подчинились Москвѣ. Упраздненъ односторонне, не спросивъ другой стороны, т. е. Вселенской патріархіи. Тутъ попиралась не только азбука законности, но и просто здравый смысл. Этого документа не стереть съ черной доски исторіи... А архіеп. Владиміръ просто и неожиданно для реальныхъ дѣльцовъ вѣка сего отвѣтилъ: *non possumus!* — «принимаю къ свѣдѣнію, но не къ испол-

ненію!» Только! И въ тотъ мигъ свершилось духовное чудо. Альпійская тяжесть навалившейся лжи и возможнаго грѣхопаденія спала съ плечъ нашей церкви. Дурманъ мнимыхъ побѣдъ и достиженій темныхъ силъ разсѣялся, какъ дурной сонъ. «Тии спяти быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся». Свободный отъ политическаго порабошенія, чисто и только церковный экзархатъ нашъ вновь возсозданъ чистой исповѣднической совѣстью Ангела нашей, въ эмигрантскомъ странствіи сущей части Церкви Россійской, нынѣ уже 40-лѣтняго юбиляра во святительствѣ.

На этой пока кульминаціонной точкѣ жизненнаго пути архіепископа-экзарха Владиміра мы останавливаемъ перо рассказчика. Мы еще сами внутри переживаемаго момента, мы лишь оцѣниваемъ его прагматически, какъ воздухъ, которымъ дышимъ, «въ которомъ движемся и есьмы». Но этотъ приснопамятный моментъ достоинъ подробнаго мемуарнаго описанія и живописанія по днямъ и даже по часамъ.

Совершенное юбиляромъ дѣяніе возстановленія внѣгосударственнаго русскаго экзархата неизмѣримо превосходитъ по нравственной напряженности и исторической значимости то, что сдѣлано въ 1931 году покойнымъ владыкой Евлогіемъ. Тогда митрополитъ Евлогій дѣйствовалъ безъ всякихъ помѣхъ, такъ сказать, на чистомъ и даже специально расчищенномъ для него пути. Этотъ путь расчистилъ предъ нимъ самъ митрополитъ Сергій, изгнавъ его изъ своей юрисдикціи и толкнувъ на путь исканія легализаціи и прокровительства иной юрисдикціи. Теперь же предъ архіеп. Владиміромъ всѣ выходы искусственно представлялись загороженными. Выбора какъ бы не было. Онъ принудительно загонялся какъ бы въ единственно открытую предъ нимъ дверь. Но онъ, по привычкѣ жить по совѣсти, не далъ себя запугать никакими хитроуплетеніями лукавой софистики, никакими будто-бы непреодолимо создавшимися фактами. Онъ отвергъ все испорченное дѣло и единымъ велѣніемъ голоса совѣсти поставилъ все заново на здоровое, честное основаніе. Это уже подвигъ, доступный только «сынамъ свѣта».

Какъ радостно осознать, что тысячи разъ столь холодно и безсодержательно звучащія слова протодіаконскаго краснорѣчія при облаченіяхъ архіерейскихъ вдругъ такъ подлинно оживаютъ и сверкаютъ нimbомъ надъ головой нашего дорогаго юбиляра:

«Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ твой предъ челоуѣки,
Яко да видятъ добрая дѣла твоя
И прославятъ Отца Нашего, иже есть на небесѣхъ».

А. Карташевъ.